

Андрей Ганин
**«КВИНТЭССЕНЦИЯ КРЕТИНИЗМА»
АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
НА ЮГЕ РОССИИ В ОЦЕНКАХ
БЕЛОГО АГЕНТА В КРАСНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛА А.Л. НОСОВИЧА**

АННОТАЦИЯ

В статье на основе документов обнаруженного во Франции архива генерала А.Л. Носовича проанализировано восприятие им порядков, установленных белыми на Юге России. Генерал Носович был белым агентом в Красной армии, затем дезертировал и предоставил белым важные оперативные документы. Однако командование Донской армии встретило перебежчика с недоверием, в результате чего ценные материалы оказались не использованы, а конфиденциальная информация о бегстве генерала вместо пленения стала достоянием широкой общественности, что, по мнению Носовича, повлекло гибель оставшихся в Советской России его соратников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Гражданская война; Белое движение; Всевеликое войско Донское; офицерство; А.Л. Носович.

НЕДАВНО ОБНАРУЖЕННЫЙ автором этих строк во Франции уникальный архив крупного белого агента в Красной армии генерал-майора Анатолия Леонидовича Носовича позволил ввести в научный оборот материалы его интереснейших воспоминаний¹. В них

¹ Подробнее см.: Ганин А.В. «Комиссар, вы арестованы. Шофер, полный ход вперед, в Козловку, прямо к казакам!» История дезертирства помощника командующего советским Южным фронтом А.Л. Носовича из Красной армии // Клио (Санкт-Петербург). 2017. № 1 (121). С. 165-175; Он же. Анатолий Носович: «Я мог сдать Царицын белым...» Противостояние белых подпольщиков и И.В. Сталина в штабе Северо-Кавказского военного округа // Родина. 2017. № 7. С. 118-121; Он же. Бывший генерал А.Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских

содержатся негативные оценки советских реалий и большевистских деятелей, что вполне понятно в силу резкого антибольшевизма мемуариста. Однако особенно ценно то, что не менее жесткие высказывания относятся и к противоположному лагерю — деятелям Белого движения на Юге России (донского казачества, Добровольческой армии) и, в целом, к порядкам, сложившимся у белых. При том, что антибольшевистский лагерь, вполне естественно, воспринимался мемуаристом как свой (посвященная белым книга развернутой редакции воспоминаний так и названа — «Свои»).

24 октября 1918 г. помощник командующего советским Южным фронтом А.Л. Носович дезертировал из Красной армии и перешел на сторону донских казаков, захватив оперативные документы. Казалось бы, высокопоставленный перебежчик и активный сторонник белых должен был дать благоприятную характеристику представителям близкого ему лагеря. Однако оценки оказались диаметрально противоположными. С чем это связано?

Резко негативные суждения Носовича обусловлены тем вопиющим обстоятельством, что донское казачье и добровольческое командование в силу неналаженности связи с подпольем в РККА и обмена информацией о действующей агентуре, внутренних противоречий и ограниченности мышления встретили перебежчика с пренебрежением и недоверием, не сумели оценить предоставленные им важные оперативные данные и не воспользовались ими, а самого Носовича заключили под арест.

На страницах мемуаров Носович сполна излил свое возмущение и даже недоумение недалекновидностью белых генералов. Свидетельство перебежчика представляет немалый интерес, поскольку о пороках Белого движения вполне искренне рассуждал ярый антибольшевик, отнюдь не стремившийся возводить напраслину на белых и к тому же имевший возможность сравнить эффективность устройств противоборствующих режимов.

Краткая редакция воспоминаний Носовича начинается с печальной зарисовки: *«Сейчас слышу смену часовых: “Под сдачей состоят три строго арестованных лица...” — монотонно гнучит молодой казачок...*

и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9). С. 6–34; *Он же*. Арест и освобождение сотрудников штаба Северо-Кавказского военного округа в августе 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 3 (10). С. 32–51; *Он же*. И.В. Сталин в мемуарах белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. XV. «Гороховая, 2». СПб., 2017. С. 190–199; *Он же*. Воспоминания генерала А.Л. Носовича о работе белого подполья в 1918 году // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность. М., 2017. С. 89–98; *Он же*. Воспоминания белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича: характеристика и проблема верификации источника // Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 67–77.

Андрей Ганин ■■■■■ «КВИНТЭССЕНЦИЯ КРЕТИНИЗМА» АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЮГЕ РОССИИ...

А.Л. Носович, 1917 г.

Эти три арестованных: захваченный мною в плен во время моего побега из "Совдепии" от большевистского правительства комиссар Бутенко Петр Александрович раз; мой адъютант подпоручик Садковский Лев Сергеевич, правая рука и активный исполнитель побега два; и я, Ваш покорный слуга, генерал-майор Носович Анатолий Леонидович, небезызвестный русский спортсмен по многим отраслям спорта (родной брат знаменитого знатока чистокровной лошади Сергея Леонидовича Носовича) три. Подробности моего побега и объяснения, как я попал в положение строго арестованного, будут предметами особой главы под заглавием "Два побега", но уверяю моего читателя, да будет он доверчив, что я "строго арестован" по многим "строго национальным" времен удельно-вечеревого периода недоразумениям»².

Непосредственно взявшие Носовича в плен казаки отнеслись к перебежчику доброжелательно. Тем более что на груди перебежчика был сохраненный им в Советской России орден Св. Георгия 4-й степени. При этом, если верить мемуарам, он потребовал от командира пленившей его сотни распространить информацию о своем захвате вследствие порчи автомобиля, чтобы не подвергнуть опасности тех сотрудников, которые остались в Советской России.

Носович испытал облегчение после нервного перенапряжения подпольной работы: *«Первый раз со дня ужасной русской революции я чувствовал себя в старой родной России. В первый раз я спокойно ел "свободный хлеб" русского пахаря. В первый раз со дня моего отъезда из Киева я отдыхал всем моим существом»*³.

Чтобы не терять драгоценного для судьбы оперативной информации времени, перебежчик отправился в вышестоящий штаб, стремясь затем как можно скорее добраться до штаба Донской армии в Новочеркасске. Доброжелательной была встреча и в штабе Верхнедонского полка, где Носович взял расписку о своем добровольном прибытии к казакам, которая позднее ему пригодилась.

До находившегося при штабе полка штаба командующего войсками Северо-Западного района Донской армии (должность командующего временно исполнял полковник Г.С. Рытиков) включительно прием Носовичу оказывался доброжелательный и деловой. Далее на поезде перебежчик со спутниками отправились в донскую столицу — Новочеркасск. Однако последующие встречи оказались не столь радушными.

Интересны наблюдения Носовича, сделанные по пути. Так, вечером 25 октября он со спутниками проезжал скопление неказачьих офицеров. На вопрос генерала, не Добровольческая ли это армия, сопровождавший его хорунжий Белоусов с презрением ответил: *«Это еще похуже... Это форми-*

² Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). F. Nossovitch. F Δ rés 843. Voh 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. I.

³ BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Voh 1. (1) (7) (4). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 4. Ч. 4. Гл. 1. С. 2.

руется армия генерала Иванова... Монархисты... По вечерам "Боже, Царя храни" поют. Но этот номер им не пройдет. Мы, казаки, этого не допустим..."⁴ Речь шла о монархической Южной армии генерала от артиллерии Н.И. Иванова, формировавшейся на Дону. Разумеется, услышанное шокировало монархиста Носовича, он начал спорить, но вскоре понял, что казаки борются не за старый порядок, а за независимость Дона.

В Новочеркасск Носович со спутниками ехал на поезде. Им было предоставлено отдельное купе, к которому приставили часового. Путь до Новочеркаска проделали за трое суток. Но по прибытии перебежчиков отправили на гауптвахту. Генерал начал всерьез опасаться негативного исхода своего побега.

На гауптвахте произошла встреча с прежним сотрудником Носовича прапорщиком Никитиным, по заданию генерала перепутавшим шифры и бежавшим от красных ранее. Никитин был известен как представитель правых монархических организаций, но тем не менее у казаков также оказался узником гауптвахты, в которой ко времени приезда группы Носовича провел более месяца. Увидев Носовича, Никитин поначалу испугался, что город взяли красные.

Носович грустно иронизировал: «Солдатский паек. Голые нары. Узелок грязного белья под головой. Рваная шинель, и на подстилку, и чтоб прикрыться. Сырая нетопленная камера в конце октября: такова была всевеликая⁵ благодарность за срыв серьезной операции большевиков. Поистине: "Когда Бог наказать захочет, то разум отнимет". Так и во время общего для всех нас несчастья Великой России, все ее части самые русские, самые коренные только и мечтали стать: непременно отдельными и непременно всевеликими... Всех местных руководителей полностью охватила лавромания главнокомандования... министерская лихорадка... Совсем исключительная гордость собственной территории, и все это венчалось исключительной жаждой власти над жизнью себе подобных»⁶. Надо сказать, несмотря на излишнюю эмоциональность, эта оценка близка к действительности.

Белый разведчик надеялся, что в штабе Донской армии его информации будет придано должное значение. Однако этого не произошло. В Новочеркасске генерал был принят начальником штаба Донской армии генерал-майором И.А. Поляковым, к которому пришел с двумя портфелями оперативных документов. Первой же фразой Поляков заявил, что Носовичу его портфели не помогут и что он будет расстрелян. Носович помнил и о данном захваченному им комиссару штаба 8-й армии П.А. Бутенко честном слове сохранить ему жизнь, однако упоминание об этом вызвало настоя-

⁴ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ г.с 843. Вох 1. (1) (7) (4). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 4. Ч. 4. Гл. 1. С. 4.

⁵ Аллюзия на Всевеликое войско Донское.

⁶ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ г.с 843. Вох 1. (1) (7) (4). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 4. Ч. 4. Гл. 2. С. 6.

щее бешенство генерала Полякова. Впоследствии, уже после оправдания, Носович, рискуя, обратился к командующему Донской армией генерал-лейтенанту С.В. Денисову с рапортом о судьбе Бутенко. Как выяснилось, белые казнили комиссара, а Носович не смог ничем помочь.

После резкого разговора с Поляковым, сопровождавшегося требованием к Носовичу снять с груди орден Св. Георгия, перебежчик был возвращен на гауптвахту. Поляков предполагал расстрелять самого агента и его спутников без суда. Носович позднее отметил, что был далек от той «квинт-эссенции кретинизма», с которой столкнулся у белых: *«Встреча меня не побаловала. Что я перенес в Новочеркасске, это можно резюмировать коротко. Если в марте жизни моей угрожала опасность от ярости неразумной черни большевистских банд, то в октябре, будучи принят сердечно теми, которые поняли только мой порыв, быть может для них это было просто актом раскаяния, на верхах же казачьего управления я нашел не только бессердечие (у кого сейчас сердце имеется), но ничем не объяснимое тупое упрямство в направлении уничтожить и отказ использовать...»*⁷

Сравнивая советские допросы и суды с этой беседой, генерал приходил к неутешительным для белых выводам. В красном лагере его судили прямые враги, целью которых было разоблачение белого подпольщика. Как люди гражданские, большевики часто ошибались, что было выгодно Носовичу. При этом они оставались вежливы и логичны в вопросах и выводах, относились к Носовичу, возможно, как к скрытому противнику, но с уважением. Совершенно иной, глубоко оскорбительный характер носила беседа в штабе Донской армии. Не зря содействовавший подпольщикам начальник разведывательного отдела штаба советского Южного фронта З.Б. Шостак говорил супруге Носовича: *«Мировоззрение генерала для меня не тайна. Но если он попадет на ту сторону, то пусть не думает, что ляжет на розы»*⁸. Такое отношение донского командования генерал не без оснований назвал «белым самоубийством», отмечая отсутствие государственных голов в руководстве белых.

В штабе Донской армии Носович встретил своих товарищей по гвардейской кавалерии. Перебежчик заявлял: *«Да поймите же вы; надо же быть абсолютными тупицами, чтобы не понять: будучи у большевиков, на самом деле я и мои помощники были на службе Добровольческой армии, в ее московской контрреволюционной организации. Я же вам, казакам, целый шюль месяц Царицын на блюдечке подносил, но не вашему же Мамонтову Царицын взять»*⁹. Действия белого командования он охарактеризовал как «величайшее преступление против России».

⁷ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Вох 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. С. 41.

⁸ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Вох 1. (1) (7) (4). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 4. Ч. 4. Гл. 3. С. 13.

⁹ Там же. С. 14.

Белые генералы не одобряли участие офицеров в антибольшевистском подполье в рядах РККА, считая такую работу нецелесообразной¹⁰. Постфактум Носович отмечал, что, если бы знал о неодобрении этой работы белым командованием, не стал бы и рисковать на протяжении полугода: «Полагаю, что теперешнее недоразумение зависит от плохой связи с центром. Когда я на полевом суде слушал показание полковник[ика] [Б.А.] Страдецкого, законченное так: “В августе месяце я докладывал генералу Деникину о службе генерала Носовича и других лиц. Главнокомандующий знал об их деятельности, но не одобрил этой работы”. “Что Вы имеете сказать по существу этого показания?” — спросил председатель в[оенно]-полевого суда. “Только одно”, — ответил я. “Если бы я знал, что таковая работа, которая в Москве считалась наиболее опасной, трудной, ответственной и, если хотите, почетной, неужгодна командованию Добровольческой армии, то я, конечно, не взялся бы за нее, это раз; а второе, вероятно, и сама организация перестала бы давать таковые опасные поручения”. Вот мое искреннее мнение и мой ответ далеко до того времени, как я за свою работу в административном порядке был изгнан из пределов той армии, на пользу которой я принес не одну часть моего здоровья и принадлежать к составу которой я стремился со дня ее основания. Последними моими словами были, есть и будут следующие: “Мне приказали — я повиновался. Донское войско судило меня, но я был оправдан военно-полевым судом. Но я с чувством собственного достоинства всегда скажу — они не имели права судить меня. Я громко требовал отправить меня в Добровольческую армию, к составу которой я считаю себя принадлежащим. В Новочеркасске совершили надо мной насилие. Здесь же я громко требую самого строжайшего следствия по моему делу и, если будет необходимо, то не только, не дрогнув, стану перед военно-полевым судом, но и найду достаточно силы и мужества, чтобы быть довольным каждым его приговором. Но здесь я также буду протестовать всеми силами моей души против административного способа решения моего дела. Я заранее уверен, что в Добровольческой армии правда есть и она восторжествует”»¹¹.

¹⁰ Эта позиция была впоследствии изложена генералом А.И. Деникиным в «Очерках русской Смуты»: «Московские Центры поощряли вхождение в советские военные учреждения и на командные должности доверенных лиц, с целью осведомления и нанесения большевизму возможного вреда. Я лично решительно отвергал допустимость службы у большевиков, хотя бы и по патриотическим побуждениям. Не говоря уже о моральной стороне вопроса, этот шаг представлялся мне совершенно нецелесообразным. От своих единомышленников, занимавших видные посты в стане большевиков, мы решительно не видели настолько реальной помощи, чтобы она могла оправдать их жертву и окупить приносимый самым фактом их советской службы вред. За 2 1/2 года борьбы на Юге России я знаю лишь один случай умышленного срыва крупной операции большевиков, серьезно угрожавшей моим армиям. Это сделал человек с высоким сознанием долга и незаурядным мужеством; поплатился за это жизнью. Я не хочу сейчас называть его имя» (Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. С. 548). Речь шла о бывшем генерале В.И. Селивачеве (подробнее см.: Ганин А.В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 183-184).

¹¹ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ tés 843. Вох 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 41-42.

Носович с возмущением отмечал: «*Меня, добравшегося, сравнительно благополучно, до Новочеркасска с момента приезда туда ожидали величайшие разочарования и переживания*»¹². По свидетельству Носовича, казачье командование собиралось его расстрелять без суда: «*Благодаря многим обстоятельствам мне известны мельчайшие подробности моей колеблющейся участи. Отлично знаю, что был момент, когда человек, весьма высокий, заявил хлопотавшим за меня: “Спасения нет, надежды никакой. Я ничего сделать не могу. Будет расстрелян без суда”. Я полагаю ни атаман¹³, ни генералы Денисов, ни Поляков этого отрицать не будут. Какой непроходимый ужас — расстрел без суда человека, который лично передан в руки, привез массу таких сведений, которые не снились высшему командованию и который громко заявляет: “Я уполномочен такими-то и такими-то организациями на эту работу”. Ноль внимания: нежелание дать веры ни на грош. Нежелание затрудниться. “Стреляй!” Это полное отсутствие того, что принято называть “государственностью”. На первом допросе, наглейшем по тону, который вел сам начальник штаба, когда я увидел, что со мной обращаются даже не так, как с неприятельским перебежчиком, я требовал отправки меня в Добр[овольческую] армию, как к ней по смыслу моего уполномочения принадлежащему. Генер[ал] Поляков ответил: “Мы и простых казаков за работу у большевиков расстреливаем, а Вас и подавно”. Я совершенно правильно возразил: “Я-то не казак. Своих вы можете хотя бы четвертовать”. Наивысшим криминалом на допросе было якобы нахальное мое поведение. Что ж, мне надо было стоять перед казачьим командованием на коленях? Мне, подготовившему для них падение Царицына в августе, который они не взяли из-за личной политической ситуации со своим “кругом”. Мне, сорвавшему приготовленную против них балашовскую августовско-сентябрьскую операцию. А это общее дело, общая цель? Давши им новейшие данные¹⁴ и умолявший их 14-го возможно скорее переслать их в Добр[овольческую] армию — они таковые не переслали по всем наведенным мною справкам еще к 5 ноября. Я вел себя так, как мне подсказывало чувство моего достоинства и как вел бы себя каждый, сознающий себя абсолютно не только правым, но и заслуживающим хотя бы простого русского “спасибо”. Вместо него я, оправданный военно-полевым судом, получил от казачьего командования “высылку из пределов Всевеликого...”»¹⁵*

За перебежчика в Новочеркасске через лично знавшего его генерал-лейтенанта А.П. Богаевского (занимал тогда должность председателя совета управляющих отделами донского правительства и управляющего отделом внешних сношений) хлопотала сноха основоположника Добровольческой армии генерала от инфантерии М.В. Алексева. На гауптвахту приезжал

¹² ВДИС. F. Nossovitch. F Δ гés 843. Вох 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 45.

¹³ П.Н. Краснов.

¹⁴ В машинописном варианте далее — «полное боевое расписание войск, действующих на Кавказском фронте» (ВДИС. F. Nossovitch. F Δ гés 843. Вох 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 58).

¹⁵ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ гés 843. Вох 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 45.

личный адъютант Богаевского сотник А.М. Жеребков. Возможно, сыграли свою роль противоречия донского и добровольческого командования. Как известно, Богаевский ориентировался на последнее. Однако его хлопот для отмены расстрела оказалось недостаточно.

Носовича возмущал сам тон допроса и холодный прием у казаков. Рисковавший жизнью белый агент содержался в заключении на гауптвахте вместе с офицерами, совершившими различные дисциплинарные проступки, что воспринималось им после всего пережитого у красных как незаслуженное оскорбление. Генерал уже обдумывал варианты побега, но его спасло стечение обстоятельств. На гауптвахту за пьянство попал и оскорбил там Носовича адъютант полковника Б.А. Страдецкого поручик Российский, за что генерал его ударил. Освободившись, этот офицер пожаловался своему шефу на генерала, которого собирались расстреливать. Между тем именно Страдецкий знал о подпольной работе Носовича и смог понять, о ком идет речь. К арестанту незамедлительно приехали Богаевский, Жеребков и Российский. В итоге невиновность перебежчика была подтверждена, а расстрел заменили на экстренное дознание и суд.

К сожалению, в воспоминаниях Носовича присутствует путаница в датах. В частности, отмечено, что сам мемуарист со спутниками были арестованы 14 ноября, а кормить их начали только 18-го, выдавая солдатский паек за деньги. Однако из хронологии пребывания Носовича у белых такие датировки никак не следуют. Можно предположить, что речь шла о событиях октября, указанных по старому стилю. В этом случае это 14 (27) октября и 18 (31) октября, что укладывается в реконструируемую нами последовательность событий.

Спать арестантам приходилось на нарах в сырой камере. После подтверждения показаний Носовича генералу и его адъютанту было предоставлено право прогулок в коридоре, однако квалификация перебежчика осталась не востребовавшей: *«Но самое главное я, в совершенстве знавший фронт большевиков, рвался на работу, рвался, хотя бы в кабинете, сидя за картой, принести необходимую пользу. Понятно, что обстановка камеры и ожидание расстрела без суда не могли дать ни обстановки, ни спокойствия для необходимой работы. Я умолял дать мне возможность таковой, но раз не хотели, вопрос другой. Хотя без сомнения вся операция Бобров — Лиски разыгралась на основании моих данных. Сколь лучше была бы она проведена, если бы я, знающий Сытина и всю обстановку, имел бы доступ к настоящим сводкам. Но "была бы честь предложена, а от убытка Бог избавит!" Вероятно, знаменитое суворовское изречение о том, что дорого на войне, не особенно беспокоило казачье управление. Им надо было отбить номер»*¹⁶. Такая характеристика с учетом известных по другим источникам особенностей донского командования представляется справедливой.

¹⁶ ВДИС. F. Nossowitch. F Δ rés 843. Вох 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 47.

Чтобы не терять драгоценное время, Носович приступил к составлению доклада о своей деятельности, который, работая практически безостановочно, написал за неделю. Кроме того, он подготовил доклад о положении офицерства в Советской России. Параллельно шло следствие по его делу. Был потерян почти месяц (по свидетельству Носовича, 25 суток) для учета доставленных перебежчиком оперативных данных.

Носович вспоминал, что не прислушался к советам друзей не беспокоить командующего Донской армией генерала С.В. Денисова и написал тому рапорт с просьбой ускорить разбор дела и скорее привлечь отправителя к активной работе. Денисов наложил на рапорт издевательскую резолюцию: *«Ложь, нахальство. Объявить господину Носовичу, что он только пленник Вс[е]в[еликого] В[ойска] Д[онского] и никто больше. Я знаю за ним такие художества, каких он сам не подозревает»*¹⁷. Похожий рапорт был составлен и на имя главнокомандующего Добровольческой армией генерал-лейтенанта А.И. Деникина, однако отправлен не был.

У белых Носович столкнулся со многими негативными явлениями. Перебежчика поразила «лавромания» белого командования, исключительная жажда власти различных начальников, отсутствие государственного мышления, зашоренность сознания, казачий сепаратизм и чванство, неприязненные отношения добровольческого и донского командования. Их систему он даже называл аналогичной большевистской.

О донском атамане П.Н. Краснове, известном писателе, перебежчик отозвался резко: *«Очевидно, что хорошо писать романы фельетонного характера, это еще не значит хорошо управлять целой областью в столь трудное и сложное время. Возгордиться своей силой и всевеличием можно, но это надо было делать серьезно и не забывать, что Донское, заслуженное под русскими знаменами, всевеличие могло прочно опираться лишь на великую Россию, а не на временный успех немецких штыков или на мечты о будущей самостоятельности»*¹⁸. Руководителей донского казачества того периода, генералов П.Н. Краснова, С.В. Денисова и И.А. Полякова, Носович без обиняков назвал людьми ограниченными, тупицами и слепыми головотяпами, лишенными государственного мышления. По его оценке, это сепаратисты, хозяева «всевелико-микроскопической территории», те, кто стремился рвать страну на части. Упрек Носовича белым генералам был резким, но точным: *«Вы, "самоеды", расстреливали своих... И сдали Россию»*¹⁹.

Подытоживая негативную характеристику белого командования, Носович цитировал слова Л.Д. Троцкого, переданные спасшимся от расстрела

¹⁷ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ г. s 843. Вох 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 47.

¹⁸ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Вох 1. (1) (7) (4). Носович А. Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 4. Ч. 4. Гл. 4. С. 17.

¹⁹ Там же. Гл. 5. С. 23.

капитаном Калисским: «Ну, таких дураков мы наверно побьем»²⁰. В то время «наверное» употреблялось в значении — «наверняка». В результате следственных мероприятий и судебного процесса было не только потеряно время, но и раскрылась тайна инсценировки захвата Носовича в плен. По мнению последнего, это привело к гибели его сотрудников в Советской России, тогда как сохранение этой информации в тайне могло способствовать продолжению работы подпольщиков в РККА. Впрочем, возможно, Носович пытался снять с себя ответственность за погибших в результате его перехода к казакам соратников. Случившееся продемонстрировало вопиющий дилетантизм органов донской разведки и контрразведки.

Тем не менее в отсутствие Носовича все его бумаги в камере были изъяты. Тогда, не имея возможности писать, он занялся любимым им спортом — боксом и гимнастикой. В ноябре (по всей видимости, 30 октября (12 ноября)) 1918 г. состоялся суд (Носович именовал его не иначе как «Шемякиным судом»), признавший генерала и его адъютанта подпоручика Л.С. Садковского невиновными.

Немало внимания перебежчик уделил проблеме разочарования в белых надеявшихся на них военспецов РККА и членов подпольных антибольшевистских организаций в Советской России. Оказавшиеся в белом лагере перебежчики и подпольщики сталкивались с непониманием и недоверием. Подобное отношение было использовано советской пропагандой, а в дальнейшем привело к сокращению помощи военспецов белым. Размышляя о такой удивительной недалекости командования, Носович отмечал: «К сожалению, “белое командование” поняло важность этого вопроса более, чем поздно, когда все организации были разгромлены до основания, а горькие опыты переходов настоящих энергичных офицеров отбили у них всякую охоту тянуть с “Севера милого в сторону южную”. Так и вспоминается оброненная невзначай фраза угрюмого матроса в Лебедине: “И сколько этого офрицерья посекли в этих Сумах, а они все прут да прут...” Но когда начали “посекать” и те, к кому неслись все помыслы настоящих офицеров, тогда главная офицерская масса в нерешительности остановилась на местах, где их застали эти события и, схваченная в тиски всяких экстренных мер в виде порук, заложников, слежки, террора, а для мало уравновешенных: простой системы исключительно больших наград. То эта масса прочно заклинилась там, где ее захватила эта строго продуманная система. Пополнение происходило тоже без особых затруднений по системе регистрации бывших офицеров всех чинов. Неповинующимся было одно наказание: расстрел. А исполняющим требование правительства: хорошие места и приличный положение оклад. Ко всему все газеты и особые листки были наполнены самой тонкой, льстивой, по отношению к офицерам, пропагандой»²¹.

²⁰ ВДИС. F. Nossowitch. F Δ г.с 843. Вох 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 22.

²¹ Там же. Гл. 8. С. 36-37.

Белый агент фактически признал, что красные сумели эффективнее использовать нелояльное им офицерство в своих интересах, чем белые, которых офицерство во многом поддерживало. Политику белых в отношении перебежчиков Носович назвал карающим патриотизмом. В качестве примеров приводил гибель от рук белых летом 1918 г. своего сотрудника бывшего полковника А.А. Сосницкого на станции Тихорецкая, арест позднее другого своего сотрудника прапорщика Никитина и разжалование еще одного своего сотрудника капитана А.Н. Курвоазье. *«Большой глупостью», — по мнению Носовича, — «могло бы быть только предание анафеме участников, скажем, Ярославского восстания за то, что сделали восстание, а не присоединились»²²*. Последовавшее смягчение политики в отношении перебежчиков, как считал Носович, безнадежно опоздало.

После оправдания Носовичу было предписано немедленно покинуть пределы Всевеликого войска Донского. Генерал с адъютантом отправились в штаб Добровольческой армии в Екатеринодар. Их попутчиком оказался штабс-капитан Корниловского полка, рассказавший, что полк имел ярко выраженный республиканский характер и офицерам-монархистам там непросто. В частности, от этого офицера потребовали снять медаль в память 300-летия царствования дома Романовых, которой он дорожил, или покинуть полк. Штабс-капитан выбрал второй вариант и ехал переводиться в Алексеевский полк. Думается, в реальность подобного инцидента вполне можно поверить. Позиция самого Носовича характерна для восприятия Гражданской войны кадровыми гвардейскими офицерами, которые не принимали красных, но и весьма критически оценивали далеких от монархических идей белых.

1 (14) ноября Носович прибыл в Екатеринодар, где ожидал окончательной реабилитации. Он отметил, что присутствовал на панихиде в 40-й день после кончины генерала М.В. Алексева. Поскольку Алексей умер 25 сентября (8 октября) 1918 г., можно установить дату этого события — речь должна идти о 3 (16) ноября 1918 г.

Прием в Екатеринодаре отличался любезностью, хотя обстановка и там складывалась не всегда благоприятно. Начальник разведывательного отделения штаба Южной армии бывший жандармский офицер подполковник И.Г. Макри хвастался поимкой и наказанием Носовича. Более того, по распоряжению помощника главнокомандующего Добровольческой армией генерал-лейтенанта А.С. Лукомского и начальника штаба армии генерал-майора И.П. Романовского перебежчик должен был покинуть пределы Добровольческой армии в 24 часа (у Носовича путаница в датах — в одном месте он отметил, что получил такое предписание по возвращении с панихиды по генералу Алексеву с возможностью отсрочки на день, в другом дати-

²² ВДИС. F. Nossovitch. F Δ r.s 843. Box 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. Гл. 10. С. 47.

ровал его 5 (18) ноября). Такое решение было принято в знак солидарности с донским командованием. В итоге в Екатеринодаре Носович провел только пять дней, после чего отправился в Новороссийск, где решил задержаться.

Адъютант Л.С. Садковский остался в Екатеринодаре и был зачислен в Добровольческую армию (по свидетельству Носовича, в Алексеевский полк, однако, по представляющимся более точными данным базы участников Белого движения С.В. Волкова, это был 1-й Офицерский (Марковский) полк, а затем Сводный полк 1-й гренадерской дивизии²³).

Направивший Носовича на подпольную работу председатель Особого совещания при главнокомандующем Добровольческой армии генерал от кавалерии А.М. Драгомиров его не принял до выяснения положения бывшего подпольщика в Добровольческой армии. Получался замкнутый круг.

Однако вновь помог случай. При отъезде на вокзал оказался недавний спаситель белого подпольщика генерал А.П. Богаевский с семьей, ехавший в Новороссийск на отдых. Узнав о случившемся, он незамедлительно позвонил генералу А.М. Драгомирову, причем между ними, по свидетельству Носовича, состоялся следующий разговор: «*Послушай, Абрам Михайлович, около меня стоит генерал Носович. Ты знаешь, что его высылают из пределов армии...*»

“Знаю”, — последовало в ответ.

“А я так более чем уверен, что тут большое недоразумение. Я знаю его дело более, чем хорошо. Я думаю, что с ним достаточно наглупили у нас. Сейчас я с семьей еду отдохнуть в Новороссийск. Ты не ошибешься, если отдашь распоряжение предоставить генералу Носовичу право проживать в Новороссийске. Я постараюсь своим личным к нему отношением придать его пребыванию нормальный характер. А там после будет видно, как и что...”

*“Ну, хорошо я сейчас отдам соответствующий приказ. До свиданья”*²⁴. Так временно решилась судьба белого агента.

Справедливость высказываний Носовича уже в эмиграции подтвердил донской атаман А.П. Богаевский. В 1928 г. Богаевский, не называя имен, рассказал о Носовиче в интервью парижской газете «Возрождение»: *«Один генерал, имени которого я не хочу называть, занимавший большую должность у большевиков, систематически срывал операции вверенных ему частей. Нам, конечно, он не мог дать знать о своих действиях. В конце концов, он решил перебежать. Под предлогом осмотра передовых позиций он выехал на автомобиле со своим адъютантом и, пригрозив ему и шоферу револьвером, приказал везти к казакам.*

Его судили сначала в Новочеркасске, затем в Екатеринодаре. Оба раза оправдали. Но к нему продолжали относиться с недоверием. Наше командование не

²³ Впоследствии произведен в поручики с 28 ноября (11 декабря) 1919 г.

²⁴ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Вох 1. (1) (7) (4). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 4. Ч. 4. Гл. 9. С. 45.

воспользовалось даже сведениями, данными им о Красной армии. Генерал долго оставался без назначения и, лишь несколько месяцев спустя после его перехода, получил незначительную должность в тылу.

Он говорил мне, насколько ему, оказавшему столь большие услуги белому движению, все это было обидно.

Но такое отношение легко объяснимо. В силу необходимости нам приходилось с величайшей осторожностью принимать на службу переходящих к нам красных офицеров»²⁵.

Рассказ Богаевского, несмотря на некоторые неточности (адъютант был сообщником Носовича, а угрожать оружием пришлось комиссару), подтверждает сведения белого агента. Впрочем, Богаевский, пытаясь сгладить картину, умолчал о том, что Носович мог быть расстрелян белыми и что лишь после вмешательства самого Богаевского расстрел удалось отменить.

О моральном облике белых Носович отзывался уничижительно: «Да, какое там было общество и какое у него было мерило для нравственного критерия... С одной стороны личности высокого морального горения, как [М.Г.] Дроздовский... С другой стороны: — сплошная “пьянка” господ Май-Маевских²⁶ и безудержные грабежи всяких кавалерийских самородков вроде К.К. Мамонтова или [А.Г.] Шкуро, которые одни сделали больше зла “Белому делу”, чем самые большие победы большевиков»²⁷.

Приезд в Екатеринодар французской военной миссии полковника Э. Корбеля позволил Носовичу снять с себя подозрения. Кроме того, из Тифлиса письмо в защиту генерала прислал полковник П.-О. Шардиньи, которому белый разведчик помогал летом 1918 г. в Царицыне. Корбель встретился с генералом Деникиным, якобы в присутствии Носовича, и заявил: «Я утверждаю, что генерал Носович должен был принять назначение начальника штаба в Царицыне по настоянию московской организации Добровольческой армии и нашей просьбе для соединения всем “белым армиям” и для защиты наших интересов в районе города Царицына...»²⁸. Деникину ничего не оставалось как реабилитировать перебежчика.

Дело Носовича рассматривалось судебной следственной комиссией при штабе Верховного главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) 6 (19) февраля 1919 г. Сама итоговая формулировка реабилитирующего приказа главнокомандующего ВСЮР № 490 от 17 (30) марта 1919 г. была оскорбительна для белого агента. Отмечалось, что в

²⁵ Л.Д.Л. «Оттуда» и «Туда». Беседа с генералом А.П. Богаевским // Возрождение (Париж). 1928. № 1032. 30.03. С. 2.

²⁶ Речь идет о видном деятеле Белого движения на Юге России генерал-лейтенанте В.З. Май-Маевском, страдавшем алкоголизмом.

²⁷ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Вох 1. (1) (7) (4). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 4. Ч. 4. Гл. 10. С. 46.

²⁸ Там же. С. 47.

Красную армию на должность начальника штаба Северо-Кавказского военного округа Носович поступил «с намерением принести возможно больше вреда большевикам, состоя в этой должности. С этой целью, прибыв в Царицын в июне 1918 года, генерал-майор Носович завязал сношения с представителями французского командования и представителями офицерской организации, подготавливавшей восстание в Царицыне. С этой же целью генерал-майор Носович отдавал распоряжения по части оперативной, артиллерийского и интендантского снабжений явно саботажного характера, а также старался ссорить между собой различных представителей высшего командования советских войск. Будучи затем назначен помощником главнокомандующего Южным фронтом, генерал-майор Носович 11 октября²⁹ бежал от большевиков и добровольно сдался донским казакам»³⁰. Дополнительно собранные материалы подтвердили его показания. В приказе резюмировалось, что «ни политические убеждения генерал-майора Носовича, ни его поступки за время состояния на службе у советских властей не возбуждают подозрения в сочувствии большевистским идеям и не дают основания считать его в каком-либо отношении вредным или опасным для Добровольческой армии»³¹. Перебежчик не получил ни награды, ни благодарности, в дальнейшем числился в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР.

По данным на лето 1919 г. Носович состоял в ведении дежурного генерала штаба главнокомандующего ВСЮР³². Затем состоявший в резерве чинов Носович был назначен в распоряжение командующего войсками на Черноморском побережье и в южных отделах Кубанской области и главноначальствующего Черноморской губернии. Впредь до прибытия к месту службы генерала полагали в ожидании. Соответствующий приказ № 12 подписал 24 августа (6 сентября) 1919 г. командующий, генерал-лейтенант С.К. Добророльский³³. 15 (28) сентября Носович уже возвратился из служебной командировки по новой должности в Туапсе³⁴. В том же статусе Носович пребывал до начала 1920 г. Тогда приказом нового командующего войсками и главноначальствующего Черноморской губернии генерал-лейтенанта А.С. Лукомского № 6 от 31 января (13 февраля) 1920 г. он был назначен начальником гарнизона Новороссийска с 7 (20) января 1920 г.³⁵ Вполне возможно, на Носовича периодически возлагались и прочие обязанности. Во всяком случае, в документах он фигурирует на ноябрь 1919 г. как военный губернатор³⁶, а на январь 1920 г. как заведующий регистра-

²⁹ 24 октября по новому стилю.

³⁰ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129. Л. 276-276об.

³¹ Там же. Л. 276об.

³² РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 351. Л. 207.

³³ РГВА. Ф. 39664. Оп. 1. Д. 27. Л. 12.

³⁴ Там же. Л. 28.

³⁵ РГВА. Ф. 39664. Оп. 1. Д. 26. Л. 284.

³⁶ РГВА. Ф. 39664. Оп. 1. Д. 39. Л. 193.

цией всех офицеров³⁷. Позднее, уже в Русской армии генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля, Носович стал начальником тылового района по борьбе с партизанским движением.

* * *

История пребывания Носовича у белых неутешительна для последних, поскольку продемонстрировала слабость военно-административной системы антибольшевистских сил, беспорядки в работе штабов, органов разведки и контрразведки, некомпетентность командования, плохое взаимодействие и противоречия между различными квазигосударственными образованиями, вооруженными формированиями и группировками внутри антибольшевистского лагеря на Юге России. К подобным выводам отчасти пришел и сам генерал, возмущавшийся деятельностью *«как красных палачей, так и белых кретинов, дружными усилиями проваливших борьбу против красного интернационала, поработившего нашу прекрасную Родину»*³⁸.

Не ускользнули от внимания разведчика противоречия между донским и добровольческим командованием, препятствовавшие взаимодействию в антибольшевистском лагере, равно как и конфликты между монархистами и республиканцами. Носович обратил внимание и на слабость дисциплины белых, пьянство и мародерство.

Не только оперативные данные, предоставленные Носовичем, но и его опыт работы в советских штабах, знание условий службы в РККА, персональных качеств и особенностей управления войсками конкретных руководящих работников, не были использованы белыми. Обусловлено это ограниченностью, косностью и недостаточной умственной гибкостью белого командования, его радикализмом и фанатичным антибольшевизмом, которые не позволяли действовать прагматично (хотя степень ненависти к большевикам у Носовича была не меньшей, чем у беседовавших с ним белых генералов). Белые военачальники не понимали динамики и особенностей Гражданской войны, в которой помимо идейного ядра каждого из противоборствующих лагерей существовали огромные массы людей, перемещавшихся в силу разных причин и обстоятельств между этими лагерями. И считать всех соприкоснувшихся с тем или иным лагерем его идейными сторонниками было крайне наивно.

В целом, политика белых по отношению к единомышленникам за линией фронта и способы решения целого ряда связанных с этим вопросов (взаимодействие с подпольными антибольшевистскими организациями в Советской России, быстрый учет оперативных сведений, проверка пере-

³⁷ РГВА. Ф. 39664. Оп. 1. Д. 54. Л. 41.

³⁸ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 1. (1) (7) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 1. Гл. 1. С. 3.

бежчиков и предоставленной ими информации, отношение к квалифицированным командным кадрам) не отличались продуманностью. Очевидно, это стало одной из многих причин поражения Белого движения в Гражданской войне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов.
2. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (4). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 4.
3. Ганин А.В. Анатолий Носович: «Я мог сдать Царицын белым...» Противостояние белых подпольщиков и И.В. Сталина в штабе Северо-Кавказского военного округа // Родина. 2017. № 7.
4. Ганин А.В. Арест и освобождение сотрудников штаба Северо-Кавказского военного округа в августе 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 3 (10).
5. Ганин А.В. Бывший генерал А.Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9).
6. Ганин А.В. Воспоминания белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича: характеристика и проблема верификации источника // Отечественные архивы. 2018. № 1.
7. Ганин А.В. Воспоминания генерала А.Л. Носовича о работе белого подполья в 1918 году // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность. М., 2017.
8. Ганин А.В. И.В. Сталин в мемуарах белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. XV. «Гороховая, 2». СПб., 2017.
9. Ганин А.В. «Комиссар, вы арестованы. Шофер, полный ход вперед, в Козловку, прямо к казакам!» История дезертирства помощника командующего советским Южным фронтом А.Л. Носовича из Красной армии // Клио (Санкт-Петербург). 2017. № 1 (121).
10. Ганин А.В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012.
11. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. Т. 3.
12. Л.Д.Л. «Оттуда» и «Туда». Беседа с генералом А.П. Богаевским // Возрождение (Париж). 1928. № 1032. 30.03.
13. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129.

14. РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 351.
15. РГВА. Ф. 39664. Оп. 1. Д. 26.
16. РГВА. Ф. 39664. Оп. 1. Д. 27.
17. РГВА. Ф. 39664. Оп. 1. Д. 39.
18. РГВА. Ф. 39664. Оп. 1. Д. 54.

LIST OF SOURCES AND LITERATURE

1. Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC), F. Nossovitch, F Δ rés 843, Box 1, (1) (2) (1), Nosovich A.L, Six months among enemies.
2. BDIC, F. Nossovitch, F Δ rés 843, Box 1. (1) (7) (4), Nosovich A.L. Six months among enemies of Russia. P. 4.
3. Ganin, A.V. (2017) "Anatoly Nosovich: "I could hand over Tsaritsin to white..." Confrontation between white underground workers and I.V. Stalin at the headquarters of the North Caucasus Military District" ["Anatolij Nosovich: «YA mog sdat' Caricyn belym...» Protivostoyanie belyh podpol'shchikov i I.V. Stalina v shtabe Severo-Kavkazskogo voennogo okruga"] *Rodina*. № 7.
4. Ganin, A.V. (2017) "Arrest and Release of Staff of the North Caucasus Military District in August 1918" ["Arest i osvobozhdenie sotrudnikov shtaba Severo-Kavkazskogo voennogo okruga v avguste 1918 g.], *Journal of Russian and Eastern European Historical Studies*, № 3 (10).
5. Ganin, A.V. (2017), "Former General A.L. Nosovich and white underground in the Red Army in 1918" ["Byvshij general A.L. Nosovich i beloe podpol'e v Krasnoj armii v 1918 g.], *Journal of Russian and Eastern European Historical Studies*, № 2 (9).
6. Ganin, A.V. (2018), "Memories of the white agent in the Red Army General A.L. Nosovich: characteristic and problem of verification of the source" ["Vospominaniya belogo agenta v Krasnoj armii generala A.L. Nosovicha: harakteristika i problema verifikacii istochnika"], *Otechestvennye arhivy*, № 1.
7. Ganin, A.V. (2017), "Recollections of General A.L. Nosovich about the work of the white underground in 1918", *Historical readings in Lubyanka. Domestic security agencies: history and modernity* ["Vospominaniya generala A.L. Nosovicha o rabote belogo podpol'ya v 1918 godu", *Istoricheskie chteniya na Lubyanke. Otechestvennye organy bezopasnosti: istoriya i sovremennost'*], Moscow.
8. Ganin, A.V. (2017), "I.V. Stalin in memoirs of white agent in Red Army General A.L. Nosovich", *Political history of Russia: Past and present. Historical readings. Issue. XV. "Gorohovaya, 2"*, ["Stalin v memuarah belogo agenta v Krasnoj armii generala A.L. Nosovicha", *Politicheskaya istoriya Rossii: Proshloe i sovremennost'. Istoricheskie chteniya. Vyp. XV. «Gorohovaya, 2»*], Saint-Petersburg.
9. Ganin, A.V. (2017), ""Commissioner, you 're under arrest. Chauffeur, full move forward, to the Goat, right to the Kazacks! " History of desertion of the assistant commander of the Soviet Southern Front A.L. Nosovich from the

Red Army” [“«Komissar, vy arestovany. Shofer, polnyj hod vpered, v Kozlovku, pryamo k kazakam!» Istoriya dezertirstva pomoshchnika komanduyushchego sovetским Yuzhnym frontom A.L. Nosovicha iz Krasnoj armii”], *Clio*, № 1 (121).

10. Ganin, A.V. (2012), *Last Days of General Selivachev: Unknown Pages of the Civil War in the South of Russia [Poslednie dni generala Selivacheva: Neizvestnye stranicy Grazhdanskoj vojny na Yuge Rossii]*, Moscow.

11. Denkin, A.I. (2013), *Essays of Russian Confusion [Ocherki Russkoj Smuty]*, Moscow, Lib. 2, Vol. 3.

12. L.D.L. (1928) ““From There” and “There.” Conversation with General A.P. Bogayevsky” [“«Ottuda» i «Tuda». Beseda s generalom A.P. Bogaevskim”], *Vozrozhdenie*, Paris, № 1032. 30.03.

13. Russian State Military Archives (RGVA), T. 39540, Оп. 1. 129.

14. RGVA, T. 39540, Оп. 1. 351.

15. RGVA, T. 39664, Оп. 1. 26.

16. RGVA, T. 39664, Оп. 1. 27.

17. RGVA, T. 39664. Оп. 1. 39.

18. RGVA, T. 39664, Оп. 1. 54.